

Михаил

Смирнов

СТАРИЧЬЁ

Громыхнув чугуном на плите, дед Назар почмокал, пробуя тёплую подогревшую кашу, прошёл в горницу и заглянул за занавеску. В закутке возле окна стояла кровать с потемневшими спинками, на подоконнике был высохший цветок в ржавом ведёрке, а рядом два пузырька и щербатая ложка. На кровати, укрывшись ватным одеялом, лежала худенькая бабка Марфа: заострившийся ястребиный нос, смуглое лицо в частой сетке морщин, рот провалился, лишь узкая полоска губ видна, седые лёгкие волосы выбились из-под платка, а в вороте старого платья видна чёрная тесьма с простеньким крестиком. Старуха лежала, дышала редко, с протяжными хрипами. Рука нет-нет, да вцепится в одеяло, а потом начинает елозить, словно что-то ищет.

– Ничего, Марфуша, оклемаешься, не впервой, – сказал старик, подошёл, крупной ладонью провёл по лёгким седым волосам. – Дышишь, значит, будем жить, а по-другому нам никак нельзя. Я кашку подогрел. Покушаешь?

Старуха продолжала лежать. Протяжно дышала, тяжело.

– Спишь, что ли? – дед Назар потоптался рядом, посматривая на жену, потом опустил занавеску. – Ну ладно, поспи, я на улицу выйду, погляжу, что делается, да на крыльчке покурю. Попозже покормлю, когда проснёшься.

Скрипнув половицами, дед Назар вышел на веранду, набросил выцветшую фуфайку, надвинул разбитые ботинки, шаркая по ступеням, спустился с крыльца, прошёл под окнами и открыл калитку.

Надвинув фуражку на глаза, дед Назар посмотрел на пустынную деревенскую улицу. Посреди дороги, в огромной луже бултыхались утки. Там и сям стайки воробьёв, наткнувшись на пшеницу в колеях, вовсю начинали чирикать, подбирая зерна, а потом перепархивали на новые места. Вспугнув уток, неторопливо пробежала дворняга. Издалека донёсся шум трактора. Опираясь на клюку, вдоль домов прошла бабка Маня, держа в руках авоську. Видать, в магазин ходила. Возле правления скучковались машины. Наверное, опять пятиминутку проводят. Потом все вывалятся на крыльцо, торопливо перекурят, обсуждая новости, и разъедутся в разные стороны. Осень. Уборочная идёт. В деревне остались старики да школьники, а остальные кто в поле, кто на току, кто где. Говорят, славный урожай в этом году. И дождей хватило, и солнышко нагрело, вот и вымахало всё на полях да огородах. Давненько не было такого урожая. То засуха губила, то дожди заливали, а в этом году погода как по заказу. Видно было, как по объездной дороге

проезжали груженные машины, изредка мелькали комбайны и лязгали тракторы, а со стороны мастерских, что на горе, доносился шум, там работа ни на минуту не прекращалась, лишь бы техника работала. Урожай торопятся собрать, лишь бы под снег не пустить. Утром, когда ходил за водой, возле колонки стояла Танька Горячкина и хвалилась, что у неё тыква неподъёмная уродилась, что с мужиком не могут сдвинуть, а картошка вообще в два кулака размером. Пять-семь штук – и ведро полнѐхонько. «Ну, смотря какое ведро», – буркнул дед Назар и покачал головой. Танька соврѐт – недорого возьмѐт. В мать, в Сепаниду, уродилась. Та тоже, бывало, нагородит, что разгрести замучаешься. Яблоко от яблони...

Дед Назар похлопал по карманам. Вытащил помятую пачку папирос. Прикурив. Зашѐлся в долгом кашле. Вытер покрасневшие глаза, аж слѐзы прошибли, густо сплюнул, потом чертыхнулся и быстро растѐр галошей – негоже плевать на землю, которая кормит.

– Назар, слышь, – донѐся от соседнего двора резкий голос. – Вот сижу и на ваш огород гляжу, что вы время тянете, почему картоху не убрали? Уже многие выкопали. А скоро дожди зарядят...

На скамейке, возле соседнего двора сидела старуха, опираясь на клюку, в выцветшем коричневом пальто, в тёплом платке, несмотря, что на улице было ещё тепло, хоть и осень стояла, а на ногах шерстяные носки и высокие галоши.

– Марфа прихварывает, – отмахнулся дед Назар. – Вот чуток оклемается, тогда и выкопаем. За неделю управимся. Время терпит.

– А я всё гадаю, почему Марфы не видать, уж хотела к вам зайти. Думала, опять в город умотала за саженцами. Всё не может на свой садик надышаться. А она, оказывается, снова помирает, да? – пренебрежительно сказала соседка и махнула рукой. – Каждый год на погост собирается. Вот моду взяла, как в огородах начинает созревать, Марфушка уляжется, рученьки сложит и помирает. Ничего, глядишь, как обычно, к Покровам поднимется. Уж не первый год прощается с жизнью, а всё небо коптит...

– А я что, должен насильно заставить помереть Марфушку или отвезти на кладбище и живьѐм закопать? – не удержался, взъерепенился дед Назар, сбил фуражку на затылок, обнажая бугристый незагорелый лоб и узенький венчик волос. – Пусть живѐт, сколько свыше отпущено. Не в твоей хате лежит, а в своей. На вас, баб, не угодишь. Живѐт человек – плохо, а помирает – тоже плохо. Вы уж прибились бы к одному берегу, а то бултыхаетесь, как дерьмо в проруби. А ты, как знаю, завидуешь Марфиному садику, вот и ворчишь, – и ткнул скрюченным пальцем в соседку.

– Чему завидовать-то? Вон какой урожай, а она целыми днями валяется на кровати, рученьки сложила и глазоньки закатывает – помирает, видите ли, – поджимая губы, съехидничала старуха. – Лучше бы на огороде повозилась, а то всю обузу на тебя взвалила. День и ночь крутишься, как белка в колесе, за ней, словно за дитѐм ухаживаешь, бабьими постирушками занимаешься, а она полѐживает – барыня. Вижу, не шибко ваши детишки в деревню рвутся, чтобы родителям помочь. Это Марфутка виноватая, что ребяток к труду не приучила. Всё время в своём саду сидела, с яблоньками сюсюкалась да целовалась – позорище-то какое, замужняя баба на виду у всей деревни с яблонями милуется, словно своего мужика мало ей. Вот и дообнималась. Ребягтя – это не яблони, их нужно в ежовых рукавицах держать, лупцевать, как сидоровых коз, а у неё времени не хватало заниматься

родными детьми. Вот и выросли лодырями, лишь себя знают, а других не примечают. Чать, ваша Валька опять пьёт, как сапожник, не успеваает просыхать. Не девка, а стыдобище! А Серёжка настрогал кучу ребятни мал мала меньше, а башкой не думает, что их кормить-поить нужно. Жалко ребяток, голодные сидят, холодные... Один Женька хитрее всех оказался. Сошёлся с богатенькой и живёт как царь, в ус не дует и плевал на вас с высокой колокольни. А вы сидите и ждёте, когда дети появятся. Шиш дождётся! – и, покачивая головой, старуха показал кукиш и поджала губы. – Вот уж народили детишек, не позавидуешь...

– Тьфу ты, не язык, а помело поганое. Ей слово, а она десять в ответ, – чертыхнулся дед Назар, надвинул фуражку на глаза, зашёл во двор и, захлопывая калитку, не удержался, рывкнул. – Закрой варежку, а то смердит!

Насупившись, дед Назар достал папироску, дунул – табак вылетел, другую достал, поднялся на широкое крыльцо, уселся на ступеньку и закурил. Сидел, чертыхался под нос, вспоминая соседку, и поглядывал на небольшой садик. Осталось яблоки собрать. Всего пяток яблонь, но каждый год столько яблок, что ветви прогибались под тяжестью, а весной, когда зацветают, облако над садиком повисает. Ещё по молодости, когда новую избу ставили, Марфа сразу же заявила, что хочет садик возле дома разбить и яблоньки посадить. Назар воспротивился, блажь в бошку ударила бабе, ведь в деревне не принято выращивать всякие ягоды-малины возле избы, когда в лесу этого добра полным-полно, хоть косою коси, но Марфа настырная была. Дни и ночи зудела, житья не давала, а потом собралась и за сто вёрст умотала в город, саженцы привезла и заставила Назара, чтобы отгородил участок и разбил садик. Назар повздыхал, похмурился, но спорить не стал, посадил яблоньки, две-три вишенки в углу, чтобы свет не загоразивали, а по забору пустил малину. Все соседи смеялись над ними, а потом примолкли, когда всё зацвело да заплодоносило, с завистью стали посматривать, что Марфе не нужно в лес ходить, ноги бить да медведей бояться, а вышла во двор, калитку распахнула в садик, и собирай ягоду малину. Марфа всё свободное время проводила в садике. Утром забежит, с яблоньками поговорит, погладит, вишню да малину приласкает, по веткам да листьям рукой проведёт и бежит на работу, а вернётся, все дела переделает и снова в садик торопится. Прижмётся к яблоньке, а у самой глаза блестят, и стоит так, не шевельнётся, а потом снова начинает с ними разговоры вести, или усядется на лавочку под яблоней и молчит, о чём-то думает, а сама улыбается, и не докричишься до неё – в облаках витает баба. Поначалу Назар хмурился, а потом привык. Махнул рукой на эту блажь, как он считал. Пусть балуется, лишь бы успевала по хозяйству. Начинают ягоды или яблоки созревать, а Марфа уже захопотала. Всё в руках горело, за что ни возьмётся. Лёгкая на подъём была. Насушит, варенье сварит, на пироги накрутит, да ещё калинку, черёмуху соберёт, что вдоль речки росли. Пироги напечёт на любой вкус – ешь не хочу. А зима наступала, ребятишки полные карманы понабьют сушёными яблоками и мчатся на улицу, а когда варенье доставали, ругались между собой, дрались, кто первым будет пробовать. И каждый норовил побольше зачерпнуть!

Дед Назар завздыхал, вспоминая ребятишек. Правильно говорят, что маленькие детки – маленькие бедки, подрастают детки – подрастают бедки! Трёх народили. Пока были маленькие, управлялись, а подрастать начали, стали от рук отбиваться. Не углядели за детворой, где-то недосмотрели, чего-то недодали, а может, лишнего жалели, чем нужно было, своя же кровинушка, а надо было погромче

прикрикнуть да посильнее кулаком по столу стукнуть. Сам-то поздно приезжал с работы. Не успеет в избу зайти, уже глаза слипаются – так за день выматывался, что на ходу засыпал. И Марфа закружилась по хозяйству. Вернётся домой и начинает хлопотать. Дела всегда находились, и всё норвила сама переделать, за всё хваталась, никого из ребятишек не подпускала, боялась, что испортят или могут пораниться. Пусть лучше играют... Все дела переделает, а потом в своём садике до ночи сидит, чем-нибудь занимается, готова была дневать и ночевать там, а вот до ребятишек руки не дошли. Видела, как у соседей детишки работали, почти наравне с взрослыми, а ей жалко было своих ребят. Пусть носятся, играют, а заработать ещё успеют – вся жизнь впереди. И они почуяли слабинку. Оторвами были, а не детьми. Валька, хоть и девчонка, а считалась первой заводилой. Всеми пацанами командовала в деревне. Где драка, там она в первых рядах. У кого-нибудь стекло разобьют или забор сломают – это она, а кто же ещё, словно другие не баловались. Такой и росла, словно дикая кошка. Слово не скажи против, сразу фыркнет, развернётся и сбегает из дома. Марфа пожалуется мужу, он поворчит, пальцем погрозит, и всё на этом – жалел ребятишек, а нужно было взять кнут, через колено повалить и всыпать по первое число. Может, тогда бы взяли за ум, а так... Валька с грехом пополам закончила школу, на выпускном напоила мальчишек и с девчонками разодралась, космы подёргала да синяков понаставила. Ладно, участкового уговорили, чтобы жизнь девчонке не портил, а то бы в кутузку посадили. А Валька дождалась, когда все утихомирились, прихватила деньги и усвистала в город. Взрослой себя почуяла, по ресторанам стала бегать вместо учёбы да работы. Друзья появились такие же, как сама. И покатила под горку. Водку пила да с мужиками шашни крутила. По рукам пошла. Со счёту сбились, скольких поменяла, с одним поживёт, с другим, с пятым-десятым, а потом соберёт манатки и снова к какому-нибудь мужику уходит. Дед Назар уж не помнил, чтобы дочка трезвой приезжала, ладно, хахалей с собой не тащила, а когда появлялась, начинала деньги требовать – свою долю с избы. А какая доля, ежели она уже всё вытянула, что можно было. Но всё равно грозила, ежели не отдадим долю, в суд подаст. Видать, водка в бошку ударяла или очередной хахаль настраивал. А кому хочется на старости лет по судам мотаться? Вот и приходилось терпеть. Правда, к участковому обращались. Обещал посодействовать, чтобы Вальку приструнили, но, видать, не получается или забыл. В конце лета появилась. Опухшая прикатила, перегаром разит, как от последнего пьянчужки, да ещё курила одну за другой, и не какие-нибудь, а все подряд, даже до самосада добралась. Прикатила, весь день грозила судами, требуя деньги, потом умызнула. Говорили, что на остановке видели. С той поры ни слуху ни духу. Одно успокаивает, если что-нибудь случилось с Валькой, давно бы милиция приехала, а они не появляются. Значит, Валька живая... Значит, когда вся пропётётся, снова появится. Так было всегда...

Что говорить, и сыновья, когда окончили школу, тоже друг за дружкой в город перебрались. Уехали, и никаким калачом не заманишь в деревню, не допросишься, чтобы приехали. Дед Назар не понимал, как можно от родного дома отмахиваться. Родились, выросли тут, уехали и позабыли. Видать, чего-то в души не заложили, проглядели и упустили ребятишек...

Средненький, Серёжка, умотал в город, выучился на слесаря и работает на заводе. Женится. Неплохая девка попала. Плодовитая. Почти каждый год по ребячёнку в семье прибавляется. А вот в деревню не дозовёшься, то жинка с пузом

ходит, то рожать собирается. А деревня за сто километров, ежели не поболее. Дед Назар понимал его, куда в такую даль с оравой ребятишек попрёшься, а когда к нему съездили, увидели, что там не рады гостям, не рады отцу с матерью, а почему так, дед Назар не смог взять в толк. Потом ещё несколько раз съездили к сыну, попытались с ним поговорить, но бесполезно. Посмотрели, как его жена рвала и метала, что они появились, и после этого больше ни ногой к ним. Видать, с малых лет проморгали Серёжку, а сейчас аукнулось. Ладно, пусть живёт сынок лишь бы в семье было хорошо...

А младшенький, Женька, хитрым был. От любой работы бегал, как чёрт от ладана. Тяжелее ложки ничего в руки не брал. Всё в облаках витал, как Марфа говорила. Мечтал в большие начальники выбиться, чтобы деньги зарабатывать и ничего не делать. Вслед за Серёжкой усвистал в город, выучился непонятно на кого, сидит в какой-то конторе и бумажки с места на место перекладывает. Разве это работа для мужика? А ему хоть бы хны. И бабу такую же нашёл. Говорили, из богатой семьи. Даже на свадьбу не позвали – не того поля ягоды. С гонором девка, красивая, но стервозная. Ни разу не приезжали. Так и живут для себя. Всяких кошек и собак разводят и продают. И люди, вот дураки-то какие, нарасхват покупают за бешеные деньги, в очередь становятся за живностью. Вот уж с ума сходят! Лучше бы лишнюю булку хлеба купили и отдали старикам... А детишек нет, и не думают обзаводиться. Нечего нищету плодить, как сын сказал. В последние годы вообще перестал на письма отвечать, а потом пришло письмо, где он сбивчиво старался объяснить что-то, но всё перечеркнул и коротко дописал, что у него своя жизнь и к нему не нужно лезть, а лучше будет, если вообще про него забудут, как он забыл про них и деревню. Это было его последнее письмо. Он выбрал свою дорогу в этой жизни. Ладно, хоть жив-здоров, а уж как жизнь сложится – одному Богу известно. Правда, в последнем письме велел, чтобы дом на него переписали...

– Слышь, Назар, что хочу спросить, – донёлся зычный голос, и дед Назар увидел в калитке худую старуху, которая стояла, приложив ладонь к глазам. – Это, как его... Намедни Федька Килявый заглядывал. Сказал, наш колхоз на части поделят. Вот так прям возьмут, вызовут землемера, всё раскромсают, границы проведут и колючую проволоку прикрутят, чтобы на чужую сторону не совались, а кого поймают, того сразу в кутузку. Правда, что ли?

– Нашла кого слушать – Килявого, – почёсывая небритую щеку, буркнул дед Назар. – Он наговорит с три короба, лишь бы стопочку налила, а ежели две нальёшь, так у него и пограничники с собаками появятся. Ты, старая, уши поразвесила и слушаешь последнего пьянчужку. Сама подумай, какие границы, если, к примеру, возле магазина моя кума живёт. Неужто не должен проведать её? Да я задами огородов проберусь, и ни одна проволока не остановит меня, – и пренебрежительно махнул рукой. – Никому не верь! Верь глазам своим.

И, сдвинув фуражку на глаза, опять задымил, подпыхивая папироской.

– А, ну, тогда ладно, успокоил, – закивала головой старуха и махнула рукой. – Я уж не знала, что и подумать-то. Эть, ну Килявый – обормот! В следующий раз налью рюмочку, когда появится... Не дождётся! Ладно, пойду, старика обрадую. Ждёт...

И ушла, опираясь на клюку.

Дед Назар задумчиво запыхал папироской. Может, и правду говорят, что колхоз разделят. Хорошего не будет – это точно, а вреда столько, что не подсчитать. Вон,

какой-то умник приезжал в соседний колхоз. Говорили, будто с самых верхов направили. И он, не зная деревенскую жизнь, своей знающей рукой подписал бумажку, что колхоз разделят, и будет четыре хозяина: один отвечает за землю, второй за скотину, третий за технику, четвёртый ещё за что-то... Подписал указ и уехал в свои столицы-заграницы, а в колхозе такое началось... Кто пошустрее оказался, тот всю технику под себя загрёб, а остальные передрались из-за земель да пастбищ, а потом ещё разругались из-за скотинки, пока делили, кому она достанется. Забрать-то забрали стада и отары, а бошками не подумали, что скотинку нужно содержать. А здесь ещё стали наезжать всякие проверяющие со свитой, и всех нужно в баньке попарить, на охоту или рыбалку свозить, да вволюшку накормить-напоить и с собой гостинчик сунуть. Не успели оглянуться, всю животину под нож пустили. А самый шустрый, кто технику под себя загрёб, ещё оказался ушлым. Распродал технику, деньги прикарманил и сбежал. До сей поры не могут найти. А когда дело дошло до земель, стали выяснять, где хвалёные урожаи, куда же они подевались, новый хозяин развёл руками, обрабатывать-то землю нечем, техника продана, а свою не на что купить. Поэтому земля простаивает. Вот и получается, что колхоз разорили и виноватых не найти...

Дед Назар поднялся по ступеням. Зашёл в избу. Прислушался. Старая Марфа дышала тяжело, редко и мелко. Он подошёл. Отодвинул занавеску. Марфа лежала, по векам было заметно, что она не спала.

– Полегчало, Марфуш? – протянул кружку с остывшим чаем. – Накось, чуток глотни.

Старуха открыла глаза. Дед Назар придержал голову. Она сделала несколько небольших глотков.

– Хватит, – медленно сказала она. – Вдоволь напилась.

– Может, кашку покушаешь, Марфа? – сказал старик. – Я бы подогрел, а то уж простыла. А потом чаёк пошвыркаем...

– Только и делаешь, что чаи гоняешь да меня кормишь, – буркнула старуха. – Лучше бы хозяйством занимался. Зима на носу.

– О, дурная, – покачал головой дед Назар. – Кто же будет кормить тебя, ежли не я? Мы, старичьё, никому не нужны в этой жизни. Понимаешь, вообще никому, даже родным детям, потому что обуза для них. А мы друг без дружки пропадём. Вот меня не будет, а тебе никто воды не подаст. Ну, а не кушать... Мы же не эти, как их... Ну, чтобы святым духом...

– Цыц, Назарка, – заворчала старуха. – Не задевай Боженьку, бесстыжий! Он всё видит...

– Ну, ежли всё видит, так скажи ему, что картоха не выкопана, – старик не выдержал, ткнул пальцем в потолок. – Пусть поможет. Утром поднялись бы, а у нас весь двор картохой засыпан, а я бы уж сам в погреб перетаскал. А то соседи замутили, проходу не дают. Каждая зараза норовит носом ткнуть. Ехидны двуногие...

– А ты не слушай наших старух, сам знаешь, какие у них языки, – сказала бабка Марфа и попробовала подняться, но опять повалилась. – Силушка покидает меня. Видать, Назар, моё время подоспело.

– Скажешь тоже – подоспело. Не болтай ерунду, – отмахнулся дед Назар и поднялся. – Мы ещё поживём с тобой, Марфутка. У нас яблоки не собраны, картоху не выкопали, капуста стоит – её нужно убрать да посолить, я уже бочонки приготовил, а морозы ударят, кума пообещала мясом помочь. Вишь, сколько дел, а ты

помирать собралась. Ежели уж помирать, так вместе, чтобы вместе попасть туда, а поодиночке никак нельзя. Ладно, Марфутка, не хочешь кашку, тогда отдыхай, силы набирайся. Завтра какой-нибудь супчик сварганю, а то уже каша надоела, в горло не лезет, – и направился к двери. – Я на дворе побуду. Там дровишки привезли. Чуток повожусь. А ты зови, ежели понадобится...

И вышел, оставив приоткрытую дверь.

Он прогнал курицу, что забрела на веранду. Мимоходом погладил кошку развалившуюся на перильцах крыльца. Она протяжно замуркала. Прошёлся по двору, осматривая хозяйство. Заглянул в пустой сарай. Корову с овечками давно продали, а деньги отдали дочке, чтобы не тянула свою долю, а она пустила деньги на ветер и опять ездит и требует, судами пугает. Дед Назар нахмурился. Может, и лучше, что продали, всё же меньше заботы стало. А кружку молока можно у соседей взять. Вон Клавка Ерохина никогда не отказывает, всегда баночку принесёт, если попросишь. А для себя оставили с десяток кур, и хватит. Сыпанёшь чуточку зерна или крошек, а они рады. Дед Назар поправил штaketину. Прикрыл куском жести дыру в заборе и привалил камнем, чтобы куры не убежали со двора. Подошёл к калитке. Возле неё беспорядочно свалены сучкастые брёвна. Нет, даже не брёвна, а сухостой, какой привезли из леса. Ладно, соседи помогают в лесу. Плохонький лес. Больше осина встречается. А она, ежели сухая, – как порох. Пыхнула и всё – сгорела, и никакого жара. Берёза попадает, но поменьше. А уж дубняк – вообще чуток. На зиму много приходится заготавливать. Зимы длинные, морозные да метельные. У самих силушки нету, чтобы по лесу шастать. Вот и приходилось нанимать мужиков. Где за бутылку соглашаются, где деньгами берут. А куда деваться-то старикам? Ребятишки забыли дорогу домой, у каждого своя жизнь. Вот и приходится самим выкручиваться. А ещё на всякие нужды надо отложить. Ну там, к примеру, в магазине продукты купить, курево, спички, да всякую мелочёвку, без которой не обойтись, а ежели комбикорм привезут или, бывает, мешок-другой зерна приволокут, тоже выкладывай денежки, а пенсия-то не безразмерная. Вот и приходилось копеечку к копеечке складывать. А просить детей, чтобы помогли – это бесполезно. Валька, та сама всю душу из них вынимает, когда приезжает, того и гляди, на улицу выгонит под старость лет. Младшенький, Женька, ни копейки не дал, зато заявил, чтобы его не тревожили, а средний, у него детишек семеро по лавкам, и каждый год ещё прибавление в семье, где он возьмёт. Ему бы помочь, а не с него тянуть...

Звякнуло стекло. Старик вскинулся, вытянул шею, посмотрел. Колыхнулась занавеска. Видать, бабка поднялась. Зовёт. Дед Назар поднялся. Зашёл в избу. Скинул фуфайку возле порога и прошёл в горницу. Невысокая, высохшая, с тёмным морщинистым лицом, бабка Марфа сидела на кровати, свесив худые ноги. Вены на ногах не синие, а какие-то чернущие. Жиденькие волосы перетянуты резинкой. Пряди повывивались, закрывая глаза. Она поправила прядки, пошарила по одеялке в поисках платка и не нашла, снова сложила высохшие руки на коленях.

– Сейчас, Марфуш, покормлю, – сказал он, заглянув в горницу, и заторопился к столу. – Погоди чуток...

Дед Назар громыхнул чугуном. Уже третий день кашу не могут доесть. Как Марфа слегла, самому приходится готовить. Достал чашку. Шлёпнул горелый комок каши. Добавил молоко – соседка принесла. Прихватил кусок хлеба, кружку с тёплым чаем. Поставил на табуретку и подал ложку.

– Покушай чуток, Марфутка, – сам пристроился возле стола и принялся рассказывать деревенские новости. – Завтра мужики придут. Бензопилу приволокут. Дрова напилят. Петька Рысачкин пообещал наколоть. Он, как заводной, не остановится, пока всю кучу не переколет. И по цене сговорились. Я уже задаток отдал... Акулина заходила. К ней Федька Килявый забегал. Сказал, будто колхоз хотят разделить. Заместо одного председателя несколько назначат. Опять хозяйство пропьют да распродадут, как у соседей, а колхозники будут бедствовать... Танька Горячкина хвалится, что картоха уродилась, как никогда. Пять штук и ведро полнёхонько. Брешет, девка! Вся в мать уродилась. Та тоже любила побрехать...

– Назар, у нас доски есть? – держа на коленях чашку с кашей, неожиданно сказала старуха. – Помру я...

– Ты уж, если не ошибаюсь, с того дня помираешь, как жеребец лягнул тебя по голове, – заворчал дед Назар и нахмурился. – Видать, мозги перевернулись. С той поры каждый год чудись: помру да помру... Живи здесь, а туда всегда успеем попасть. На кого же меня оставишь? Я же никому не нужен буду. Погибну без тебя. Правду говорю! Всю жизньюшку вместе прожили и туда вместе уйдём. Нам никак нельзя разлучаться, пропадём друг без дружки. А сейчас живи, пока все дела не переделаем, иначе...

– Я чувю, что помру, – перебивая, поджала губы бабка Марфа. – Оттуда приходили, знак подали, – она ткнула корявым пальцем в потолок. – Сказали, что меня ждут. Ты уж, Назар, рядом с матерью меня закопай. Там место есть. Я помню, когда на родителей ходили.

– Я же говорю тебе, что не все дела переделали, – хмуро сказал дед Назар. – Не спеши. Успеем туда попасть. Вон картоха не выкопана, и яблоки не собраны, а сколько ещё делов незаконченных – не счесть, – сказал, о чём-то задумался, поглядывая в окошко, долго молчал и снова пожал плечами. – А с другой стороны, если взглянуть, может, правда, там получше будет, чем здесь. Ты измаялась на этом свете, и я замучился. Всё надоело в этой жизни, глаза бы ни на что не смотрели. Устал я, Марфуш... – опять повторил он. – А там уже ничего не нужно, попал туда, и душенька спокойна, а тут не успеешь проснуться, а в башке закрутилось, как бы день прожить, чем тебя накормить. И так, пока спать не завалишься, а сон-то не идёт, мысли лезут и лезут. Утром поднимаешься, и опять в башке закрутились мысли. И так каждый раз. Получишь пенсию и каждую копеечку считаешь, чтобы до следующей пенсии хватило, чтобы на паперти с протянутой рукой не сидеть. Эх, мать вашу так, умные головы называются, кто пенсию старикам начислял. Чтобы они до последнего дня жили на такие деньги. Получаешь копейки от государства и не знаешь, плакать или смеяться. И вволю не нажрёшься, и с голодухи не дают подохнуть. Сволочи!

И матюгнулся дед Назар: зло, протяжно и безвыходно, а потом взглянул на иконы и нахмурился. Дождался, когда Марфа покушает... Нет, лучше сказать, поклоует из чашки. Даже воробей больше съедает, чем она сейчас. Так, повазякала ложкой, размазала кашу по стенкам, понюхала из чашки и всё на этом – наелась. Дед Назар отнёс чашку на кухоньку, а чай оставил подле кровати. Марфа прилегла, он накрыл одеялом, а сам опять вышел на крыльцо и уселся, поглядывая на сентябрьское солнце. Вроде бы тёплая погода, а в тенёчке сидишь, и до костей пробирает ветерок. Он взглянул на садик. Яблок ещё много осталось. Ладно, для себя успели заготовить. Баночку варенья сварила Марфа, а потом разболелась, и

ему пришлось самому яблоками заниматься. Старик нахмурился, вспоминая жену. Марфа сильно сдала. Раньше, бывало, когда захандрит, всё равно поднималась и занималась хозяйством. Там цыпляткам, курятам сыпанёт, тряпку-другую простирнёт, простенькую еду сготовит, да и в доме приберётся, а нынче лежмя лежит. Видать, хвороба источила, кожа да кости остались. А какая хворь гложет – никто не знает. Фельдшер приходил. Молоденький такой паренёк, недавно прислали. Послушал, постучал, плечами пожал, толстую книжку перелистал, всяких лекарств понавывисывал, сказал, что нужно в районной больнице полежать, собрал сумку и ушёл. Бабка Марфа рукой махнула, когда увидела стопку рецептов, и сказала, что её из больницы не выпустят, если туда попадёт, а она хочет в родной избе помереть, в родных стенах. Не захотела лечиться, а теперь...

Дед Назар снова посмотрел на кусты малины. Разрослась, малина, зараза такая, через щели в заборы лезет. Надо повырезать. Взглянул на усыпанные яблони. Жалко, столько яблок пропадает. Падают и падают, а собирать, что делать с ними? На зиму заготовили. Марфа уже прибаловала, пришлось самому нарезать, гирлянды наделал и вывесил на сушку. На всю зиму хватит, даже останется. А что с другими яблоками делать? Наверное, придётся Надьку Хомячиху позвать да соседских ребятишек покликать. Вон, Хомячиха, как повстречается, постоянно спрашивает. Наверное, опять брагу поставит. Приторговывает самогонкой, хотя говорит, будто для себя ставит. Врёт, зараза! Вся деревня знает, что она продаёт. Даже специально дырку в окошке проделала, чтобы бутылки совать, а сама клянётся, будто для шланга вырезали. Дед Назар видел, когда к ней заходил. Она позабыла дверь на запор закрыть, и её чуть кондрашка нехватила, когда старик в избу ввалился. А там... Плита занята, печка занята, везде фляги, банки, и такая вонища в избе, аж глаза режет, а снаружи, если взглянуть на избу, даже дыма не видно, словно пустой дом стоит. Дед Назар махнул рукой. Бес с ней, пусть забирает. И ребятишек покликать, пусть наберут. Грех отказывать мальчикам. Завтра нужно выйти, сказать, чтобы мешки прихватили. Вот уж радость-то для них будет! И опять мысли закрутились – пусть забирают, пусть детишки кушают...

Дед Назар тяжело завздыхал, поглядывая на неубранную картошку. За день не выкопать – это точно. Каждый год сажают, сажают, а есть некому. Много ли двоим нужно? Так, ерунда! А привычка осталась, чтобы впрок заготавливать, чтобы всего много было, чтобы голова не болела, как бы до весны прокормиться... Картоху выкопать, часть опустить в погреб, часть на семена отобрать, а остальную можно продать. Вон, каждую осень по деревням торгаши мотаются, излишки выкупают. Пусть за копейки берут, но всё же лишние денежки в доме появятся. Хотя лишних денег не бывает. Всегда дыры найдутся, какие нужно заткнуть. Вот с картохой бы определиться, а потом всю ботву собрать и пожечь. А после заняться садиком. Раньше, когда был помоложе, садик весной и осенью перекапывал и удобрял. Земля словно пух была, воткни палку – и она зацветёт. Но с каждым годом всё сложнее становилось копать. А последние годы вообще стал весной за лопату браться. Чуток повозится и стоит, перекуривает. А Марфа криком исходит, что лодыря гоняет. И до тех пор зудит, пока весь садик да огородик не вскопает, пока грядки не сделает. Правильно делает, что кричит. С голоду сдохнешь без своего хозяйства. Вот и приходится выращивать, лишь бы долгую зиму продержаться, а чтобы покупать, никаких денег не хватит. Бабка всегда говорила: «Купило при-тупило». Так оно и есть...

Защёлкал кнут. Мычали коровы, неторопливо плелись по разбитой дороге. Облако пыли повисло над дорогой. Хозяйева стояли возле калиток, зазывали своих бурёнок во дворы. Пастух в длинном выцветшем плаще, в потрёпанной шапке, через плечо висит противогазная сумка с остатками обеда и торчит бутылка, заткнутая бумажной пробкой, а на другом плече кнут. Рядом бежит крупная лохматая собака. Изредка взлаивая, она бросалась к коровам, чтобы не разбредались. Иначе хозяевам придётся всю ночь искать по проулкам и кустам. Овечки – они шальные. То собьются в кучу, то разбредаются в разные стороны. А потом будут до утра блукать по кустам.

– Здоров, Ванька, – дед Назар кивнул пастуху. – Отпастушил на сегодня? А, то хорошо... Видел, твоя Катька баньку топила. Тебя ждёт. Ну иди, иди, не стану мешать.

Он махнул рукой вслед. Опять закурил. Распугивая овечек, протарахтел задрипанный мотоцикл с коляской. Из коляски торчали удилища. Петруха Коваль на пруды поехал. Теперь к утру ждать. Обязательно с рыбой вернётся. И его баба сразу помчится к магазину. Весь улов распродаст, а потом вырученные деньги оставит в магазине, покупая всякую мелочёвку. Деревня большая, а рыбаков по пальцам пересчитаешь.

Дед Назар вздохнул, поправляя замусоленную фуражку, и посмотрел вслед мотоциклу. До пенсии бы дотянуть, а потом Ковалья попросить, чтобы несколько штук для них наловил. Ушицу бы заварил для бабки. Вкусно и для организма полезно! Старик почмокал, вспоминая юшку.

– Здоров, дед Назар, – к скамейке подошёл высоченный худой парень и присел, прижимая руку к животу. – Всё куришь? А я бросил.

– О, здорово, Витяйка! – покосился дед Назар. – Что-то тебя не видно было. Где мотался?

– В больнице лежал, – сказал парень и поёрзал на скамье, поудобнее устраиваясь. – Половину желудка отрезали. Болит, зараза! – он поморщился. – Говорили, надо было раньше приезжать, а я думал, что пройдёт. И дотянул, чуть не подох. Еле успели до больницы донести. Всё бросил: и пить, и курить, и жрать, и...

– И девок бросил? – опять покосившись, перебил дед Назар. – Наверное, они перекрестились, когда узнали, что ты в больнице.

– Ну, дед Назар, – хохотнул парень и поморщился, схватившись за живот. – Бросил... Девок бросать нельзя. Девок надо любить. Они отдохали, пока меня не было, я чуточку оклемаюсь и займусь ими. Буду навёрстывать.

– Бабник ты, Витяйка, – махнул рукой дед Назар. – Дождёшься, чей-нибудь батя оглоблю обломает об твою хребтину, тогда узнаешь, почём фунт лиха. Лучше бы женился...

– Не нагулялся ещё, дед Назар, – беспечно отмахнулся парень. – Успею с хомутом.

– Дурак, – буркнул старик и поднялся. – Опомнишься, да поздно будет. Хороших девок разберут, а на дуре жениться – зря жизнь губить. Ну ладно, я пойду. Бабка заждалась, наверное, – и заскрипел калиткой, поглядывая на тёмное небо.

Дед Назар вернулся в избу. Прислушался, скидывая фуфайку. Занавеска колыхнулась. Донеслось шуршание, что-то громыхнуло. Видать, старуха уронила. Забормотала. Скрипнула кровать, и опять тишина. Дед Назар заглянул за занавеску. Бабка сидела на кровати, сложив руки на коленях.

– Что поднялась? – нарочито хмуро сказал дед Назар. – Ночь на дворе, а ты шумишь. Кашу будешь?

– Не хочу, – запоздало сказала бабка Марфа. – Ничего не хочу. Руки-ноги не чувю.

– Ну ложись, ложись, – сказал старик, придерживая жену. – Я подле тебя поставлю кружку с чаем. Травку заварил, как ты любишь. Вкусный чаёк получился! Попьёшь, когда захочешь. Петька Коваль на пруды помчался. Я что хочу сказать-то... Вот пенсию получим, у него чуток рыбки купим, и я ушицу сварганю. Вкусная будет – страсть!

Бабка Марфа промолчала. Она лежала, вытянувшись и закрыв глаза. Потом встрепенулась.

– Назар... Назар, ты сообщи ребятишкам-то, ежели что со мной... – сказала и опять затихла.

– Каждый год сообщаю, и не один раз, а они до сей поры дорогу не могут найти к родному дому, – не удержался, зло буркнул старик. – Видать, в жизни заблудились, а смогут ли найти верную тропку – этого не знаю. Живут и забыли про нас. Сколько лет ни письма, ни весточки, словно нас на свете нет. Вот и получается, что мы, старичьё, никому не нужны в этой жизни, разве что друг дружке. Помрём, и никто не вспомнит... – дед Назар нахмурился.

Бабка Марфа промолчала.

Дед Назар постоял возле кровати, прислушиваясь к редкому, еле слышному дыханию, потом опустил занавеску, подошёл к окну, стараясь рассмотреть, что творится на улице, а потом сбросил одёжку и заскрипел продавленным диваном, укладываясь спать. Прохладно в избе. Топить ещё рано. Так никаких дров не напасёшься. И опять закрутились мысли насчёт огорода. Огород в деревне – это первое дело. Без него с голоду подохнешь. Вот и приходится его держать, за ним ухаживать. А сейчас, если посмотреть, много ли нужно на двоих-то? Всего ничего! Клочок земли засеять бы и хватило, но всякий раз засевают весь огород, а кому это нужно? Дети в городах живут. Носа не кажут в деревню. Вот и получается, что детям огород не нужен. А они сами-то нужны детям? Нет, не нужны, если забыли дорогу к родному дому, даже не вспоминают и не пишут, словно и не было родителей. Получается, как ни крути, они с бабкой никому не нужны. Совсем никому, потому что обуза! Вот докукуют свой век, отнесут их на погост, а что потом? Разве что-нибудь изменится после их смерти? Да ничего! Дочка пьёт и будет пьянствовать, пока где-нить не сгинет, а сыновья живут своей жизнью: у одного детишек полна хата, а у другого вместо детей – кошки да собаки. И выходит, что они, старики, не нужны – это лишняя тягость для детей. Вырастили ребят, они разъехались в разные стороны и забыли дорогу домой, а главное – родителей забыли. А когда их с Марфой снесут на погост, немного времени пройдёт, вообще никто не вспомнит, что они жили на белом свете.

Дед Назар поднялся. Пошарил в потёмках, нащупал папироски и спички, что лежали на столе, взял и, осторожно ступая по скрипучим половицам, набросил фуфайку и вышел на крыльцо. Закурил и зашёлся в долгом кашле. Зябко пере-дёрнул плечами. Осенние ночи холодные. А тут ещё ветер поднялся. До костей пробирает. Пыхнув папироской, дед Назар поплевал в ладонь и затушил, размял в пальцах и бросил в ведро, стоявшее под рукойомником возле крыльца. Вернулся в избу. Постоял возле дивана, прислушиваясь. Тишина. Наверное, спит бабка,

умаялась с этой хворобой. Глотнув холодной воды, дед Назар улёгся, укутавшись в одеяло, и вскоре забылся стариковским сном.

И приснилось деду Назару, что они молодые, только перебрались в новый дом, в котором по сей день живут, большую просторную веранду на две стороны пристроили, там кровать поставили, чтобы летом спать, крыльцо с навесом сделали, крышу шифером покрыли. Добротный дом получился, не один десяток лет простоит. Дождались первого урожая в саду, аж ветки гнулись от яблок. И такой запах стоял – дух захватывало. Между яблоньками бегали ребятишки, срывали яблоки с веток, и Назар ругался на них, а они смеялись. И Марфа смеялась, глядя на рассерженного мужа. Потом он расхохотался, сорвал красное яблоко, тоже принялся грызть. И солнце заливало всё вокруг. Тепло было, солнечно и радостно на душе. А Марфа протянула руку, взъерошила ему волосы, хотела было что-то сказать, но повернулась и медленно пошла к калитке. Открыла её, оглянулась, улыбнулась и помахала рукой, словно прощалась. Назар стоял, вслед смотрел, пытался её окликнуть, но не получалось, голоса не было. Марфа всё дальше и дальше уходила, потом опять повернулась и руками вот так помахала, словно к себе подзывала или за собой позвала – непонятно и тихонечко ушла, исчезла за поворотом, а ребятишки продолжали носиться между яблоньками, словно не замечали, что матери с ними нету...

Дед Назар вскинулся, приподнялся и внимательно прислушался. Опять тишина за занавеской. Видать, бабка ещё спит. Умаялась, бедняжка. Дед Назар присел на диване. Поёжился. Прохладно в избе. Взглянул на окно. Темно. Но старик чуял, за окном проклюнулся рассвет. На улице зашумел ветер. Вон как ветви постукивают в окно. Дед Назар поднялся. Оглядываясь на занавеску, прихватил папироски и, поскрипывая половицами, пошёл к двери. На веранде надвинул растоптанные ботинки, накинул потрёпанную фуфайку, пригладил венчик волос, привычно сдвинул фуражку на глаза и вышел во двор. Небо ещё в ночной мгле, лишь по краю горизонта засветлела полоска, да редкие звёзды высыпали на тёмном небе. Пахло сыростью и горелой ботвой. В домах кое-где видны тусклые огоньки. Дед Назар спустился в огород. Наклонился, трогая ботву. Уже первые ранние заморозки. Солнце поднимется и иней исчезнет. Терпко пахло травой и сырой землёй. Старик вдохнул, задерживая воздух. Ему всегда нравился запах сырой земли. Вернувшись, завернул в садик, сорвал несколько яблок, тут же в дождевой бочке помыл и заскрипел ступенями, поднимаясь на крыльцо.

– Бабка, просыпайся, – он крикнул с порога. – Яблочки принёс. Вкусные – страсть. Сейчас с тобой покушаем.

Старик прошёл на кухню. Пошарил по полкам, разыскивая тёрку. Загремел посудой. Пристроился возле окна, натёр яблоки, ложку сахарного песка сыпанул в кашницу, повазикал, размешивая, и, заскрипев половицами, зашёл в горницу и отдёрнул занавеску.

– Марфа, поднимайся, покормлю тебя. Вкусные яблоки – страсть! – опять повторил он.

Бабка Марфа молчала.

– Марфуш, слышь, что говорю... Светает, а ты лежишь...

Наклонившись, дед Назар прислушался. Не слышно дыхания. Дотронувшись до лица, старик отдёрнул руку и, нахмурившись, мотнул головой.

– Марфа, ты чего это удумала... – он запнулся, всмотрелся в серых утренних сумерках и неуверенно добавил. – Слышь, поднимайся, Марфуш...

Бабка Марфа лежала, вытянувшись на кровати. Руки сложены на груди. Голова чуть набок, словно прислушивалась, что делается за занавеской. Морщины разгладились, а лицо хмурое, словно сейчас вот поднимется и начнёт ворчать, и станет привычно плешь старику проедать, что пора грядками заниматься да за садиком присматривать.

– Как же так, Марфа? – старик оглянулся, словно кого-то искал. – Пора картошку убирать, а ты... А там столько уродилось, что не только полный погреб заложили бы, но даже новое пальто справим тебе, старое-то износила... А как же наши яблоньки и малинка? Кто за ними станет присматривать? Ты ещё калину и грибы не заготовила на зиму, а сейчас... – дед Назар опять растерянно оглянулся. – Марфа, зачем меня одного оставляешь? Всю жизньюшку вместе были, а сейчас никому не нужен... Почему не дождалась и раньше меня ушла? Я же говорил, что вместе...

Дед Назар присел на табуретку, возле кровати. Поднялся и опять стал осматриваться. Закружил по горнице, то одно хватая, то другое. Что-то брал и снова кидал, опять оглядывался на жену и не понимал, что он должен сделать. Потом распахнул шкаф. Взглянул на полупустые полки, что-то хотел достать, а потом махнул рукой, вернулся к Марфе и присел на кровать. Взялся за худенькое плечо жены, потом поправил прядь волос и дотронулся до холодной щеки. Запрыгнула кошка. Муркнула, потёрлась об холодную руку бабки Марфы. Старик взял её на руки, неловко погладил. Она замуркала громко, протяжно и принялась устраиваться на его коленях. Он сидел и неловко гладил кошку. За окнами тёмно-серый рассвет. Старик смотрел на занавеску, за которой стояла тишина, глядел на огонёк лампы и не мог понять, а может, и не хотел понимать, как ему дальше быть. А главное – для чего жить, если...

– Скажи, как теперь мне жить, Марфа? И нужно ли...

И дед Назар поднялся, потоптался возле кровати, посматривая на жену, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и, опять оглянувшись, медленно вышел.

Чуть погода в соседнем дворе раздался заполошный вскрик и протяжный женский плач.

А за окном засеребрился рассвет...

